

ОБРАЗ НИКОЛАЯ КИРСАНОВА В СИСТЕМЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ РОМАНА ИВАНА ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»¹

Штейнбук Ф. М.

Университет Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-815X>

Аннотация. Цель статьи заключается в необходимости рассмотреть образ Николая Петровича Кирсанова и его место в романе Ивана Тургенева «Отцы и дети», поскольку до последнего времени этому персонажу не уделялось достаточно внимания и его восприятие как отечественной, так и зарубежной критикой преимущественно ограничивалось стандартной и, как правило, поверхностной констатацией отдельных положительных качеств данного героя. Как для достижения поставленной цели, так и с точки зрения возможного переосмысления идейно-тематического содержания романа И. Тургенева в целом в статье в контексте рецептивной эстетики использованы герменевтический, а также дополнительно биографический и культурно-исторический методы.

Сформулированный подход позволил выяснить, что характер Николая Петровича определяется его отношениями с Фенечкой, поскольку в этом случае на них сказалось социальное неравенство и существенные возрастные отличия, а также наличие у них совместного незаконнорожденного сына. Такое необычное для в целом позитивного персонажа поведение мотивируется его иронически интерпретированной посредством образа «le Diable Boiteux», то есть «хромого беса», причастностью к inferнальной сфере, в чём нашли своё отражение нравы и обычаи поместного дворянства. А, кроме того, в образе Николая Петровича Кирсанова дали о себе знать и личные травматические переживания Тургенева, связанные с наличием у писателя собственной незаконнорожденной дочери.

На основании этого был сделан вывод о том, что возможно частичное переосмысление образов большинства персонажей романа, связанное с их причастностью к неоднозначной ситуации, которая возникла по вине одного из братьев Кирсановых, а смысл образа Николая Петровича и места данного персонажа в системе действующих лиц романа «Отцы и дети» заключается в том, что благодаря противоречивости этого персонажа книга получает дополнительный пронзительно-человеческий импульс, который обеспечивает бессмертие творению гениального русского писателя.

Ключевые слова: романы; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные образы; литературные герои; Николай Кирсанов; система действующих лиц; герменевтический метод.

NIKOLAY KIRSANOV IN THE SYSTEM OF CHARACTERS IN THE NOVEL “FATHERS AND SONS” BY IVAN TURGENEV

Feliks M. Shteinbuk

Comenius University in Bratislava (Bratislava, Slovakia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-815X>

Abstract. The aim of the article is to study the character of Nikolay Kirsanov and its role in the novel “Fathers and Sons” since, until recently, this character has been rather neglected, and both national and foreign critics have focused on a standard, and often schematic, enumeration of some positive qualities of the character’s personality. In order to achieve the aim and to probably reconsider the ideas and thematic plot of the novel by I. Turgenev in general, the hermeneutic, biographical and cultural-historical methods are used in the article in the context of receptive aesthetics.

The suggested approach has enabled the author to argue that the personality traits of Nikolay Petrovich are determined by his relationship with Fenechka because in this case they find themselves under pressure of social inequality, significant age difference, and their mutual illegitimate son. Such an unusual behavior of a basical-

¹ Статья публикуется в порядке дискуссии.

ly positive character is motivated by his belonging to the infernal sphere, which is interpreted by means of the image of "le Diable Boiteux", i.e. "a lame devil", with all customs and traditions of the landowners and nobility represented in it. Moreover, the character of Nikolay Petrovich Kirsanov embodied Turgenev's personal traumatic experience concerning the writer's illegitimate daughter.

All this has allowed the author to make a conclusion that it is possible to partially reconsider most of the novel characters due to their involvement into the ambiguous situation which formed because of one of the Kirsanov brothers. The role of the character of Nikolay Petrovich and its place in the system of characters in the novel "Fathers and Sons" consists in the fact that thanks to this contradictory character, the book obtains additional piercing human impulse, which ensures immortality of the genius Russian writer's literary work.

Key words: novels; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary images; literary characters; Nikolay Kirsanov; system of characters; hermeneutic method..

Для цитирования: Штейнбук, Ф. М. Образ Николая Кирсанова в системе действующих лиц романа Ивана Тургенева «Отцы и дети». – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 24–32. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-02.

For citation: Shteinbuk, F. M. (2021). Nikolay Kirsanov in the System of Characters in the Novel "Fathers and Sons" by Ivan Turgenev. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 24–32. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-02.

Роман Ивана Тургенева «Отцы и дети» закономерно остается в центре внимания многочисленных как отечественных, так и зарубежных литературоведов [см. Малышева 1984; Роман... 1986; Маркович 2008; Ленхобоева 2013; Фурат 2016 и др.].

Примечательно, что на сегодняшний день успешно защищена диссертация, в которой не только обобщены сведения о корпусе основных исследований, посвященных бесмертному роману знаменитого классика, но и предложены «типология наиболее значительных проблем изучения», а также намечены «основные тенденции в осмыслении романа „Отцы и дети“» [Фурат 2016: 8].

Тем не менее, при обзоре источников, внимание авторов которых сосредоточено на самых разнообразных, причем иногда совершенно неожиданных аспектах этого хрестоматийного произведения [см., например, Бельская 2016; Гимранова 2018 и др.], становится очевидной парадоксальность ситуации, сложившейся вокруг образа Николая Петровича Кирсанова.

Николай Петрович, будучи владельцем поместья, названного им в честь его умершей жены, гостеприимно принимает в своем доме почти всех центральных персонажей романа. В частности, в Марьино после своего любовно-экзистенциального фиаско возвращается Павел Петрович – старший брат Николая Петровича и впоследствии непримиримый оппонент скандального «нигилиста». Сюда же после окончания университета приезжает

и новоиспеченный «кандидат» [Тургенев 2013: 7] – сын Аркадий. В этой связи во владениях Николая Петровича оказывается и «добрый приятель» [Тургенев 2013: 8] Аркадия, то есть протагонист романа Евгений Базаров, который, по словам Кирсанова-младшего, был «так любезен, что согласился погостить» [Тургенев 2013: 8] в их родовом «дворянском гнезде».

Более того, то ли идеологическое противостояние между Базаровым и Павлом Петровичем Кирсановым, то ли разыгранный этими персонажами «дурацкий фарс» [Свердлов http], переросший в реальный поединок, происходит в том же Марьино. Причем эта дуэль состоялась из-за Фенечки – особы, непосредственное отношение к которой имел именно Николай Петрович, а не его старший брат или гостивший у хозяина имения «приятель» сына.

Но, несмотря на это, большинство исследователей едва упоминают об этом немало-важном действующем лице, ограничиваясь, как правило, формально-стандартными замечаниями о его доброте и непрактичности [см., например, Минина 2009: 83; Давыдова и др.].

Однако, на наш взгляд, образ Николая Петровича Кирсанова заслуживает более пристального внимания, а, следовательно, цель статьи заключается в анализе данного образа и в уточнении его места в системе действующих лиц романа.

Для достижения обозначенной цели и возможного переосмысления идейно-тематического содержания романа И. Тургенева в целом в контексте рецептивной эстетики

продуктивными являются герменевтический, а также дополнительно биографический и культурно-исторический методы.

Владимир Набоков в своих известных «Лекциях по русской литературе», характеризуя Базарова как «сильного человека», в то же время заметил, что «в природе тургеневского таланта и его искусства есть одна общая болезненная черта: он был неспособен привести мужские персонажи к победе в пределах своего замысла» [Набоков [http](#)].

Если исходить из убеждения, что единственным заслуживающим внимания героем является протагонист романа Тургенева – Евгений Васильевич Базаров, а также в лучшем случае антагонист последнего – Павел Петрович Кирсанов, то с этим вердиктом следует согласиться.

Но перечень действующих лиц не ограничивается этими двумя, безусловно, центральными персонажами, и поэтому необходимо вспомнить, прежде всего, о Николае Петровиче Кирсанове, который, может быть, и не выглядит победителем, но и к побежденным отнести его вряд ли возможно.

Так, «в качестве генеральского сына Николай Петрович – хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужил прозвище трусишки – должен был, подобно брату Павлу, поступить в военную службу; но он переломил себе ногу в самый тот день, когда уже прибыло известие об его определении, и, пролежав два месяца в постели, на всю жизнь остался „хроменьким“» [Тургенев 2013: 6]. Тем не менее, это не помешало Николаю Петровичу получить неплохое «штатское» образование, вследствие чего он «вышел из университета кандидатом» [Тургенев 2013: 6].

Счастливым Николай Петрович оказался и в браке, поскольку «успел, еще при жизни родителей <...> влюбиться в дочку чиновника Преполовенского <...> женился на ней <...> и, покинув министерство уделов <...> блаженствовал со своею Машей сперва на даче <...> потом в городе <...> наконец – в деревне, где он поселился окончательно и где у него в скором времени родился сын Аркадий. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не расставались, читали вместе, играли в четыре руки на фортепьяно, пели дуэты <...>

а Аркадий рос да рос – тоже хорошо и тихо» [Тургенев 2013: 6–7].

Правда, через «десять лет <...> жена Кирсанова скончалась» [Тургенев 2013: 7]. Но и в этом случае Николай Петрович, тяжело пережив трагическое событие, все же не запил и не опустился, а «занялся хозяйственными преобразованиями» [Тургенев 2013: 7]. Впрочем, и «хозяйственными преобразованиями» дело тоже не ограничилось, потому что в определенный момент Николай Петрович испытал неизгладимое впечатление. Это впечатление произвела на него Фенечка, дочь его экономки Арины Савишны, и «ему все мерещилось это чистое, нежное, боязливо приподнятое лицо, он чувствовал под ладонями рук своих эти мягкие волосы, видел эти невинные, слегка раскрытые губы, из-за которых влажно блистали на солнце жемчужные зубки» [Тургенев 2013: 40].

Эротический смысл возникших между Николаем Петровичем и Фенечкой отношений не оставляет никаких сомнений, а в результате оборачивается рождением их совместного ребенка. И все же Николай Петрович стыдится перед старшим сыном последствий этой истории, которые после его возвращения в Марьино должны были неизбежно открыться и Аркадию. В частности, Тургенев пишет, что после того, как мать Фенечки «вдруг <...> умерла от холеры» и девушка осталась круглой сиротой, а «Николай Петрович был <...> такой добрый и скромный...», то «остальное досказывать нечего...» [Тургенев 2013: 41].

В. Набоков по этому поводу иронически замечает, что фраза «остальное досказывать нечего» представляет собой «странное и глупое замечание, подразумевающее, что некоторые обстоятельства столь хорошо известны читателю, что не стоит их описывать. И действительно, благосклонный читатель без труда сможет дорисовать в своем воображении то самое событие, которое Тургенев так осторожно и пуритански скрывает» [Набоков [http](#)].

В самом деле, Николаю Петровичу, несмотря на преждевременную смерть жены и его средний возраст, удалось благодаря оказавшейся рядом с ним молодой соблазнительной женщине не только преодолеть обреченность на дальнейшее холостяцкое одиночество, но и вновь пережить счастье повторно-

го отцовства. Тем не менее, об успехах этого «мужского персонажа» автор пишет, как бы виновато опуская глаза, а критик в лице Набокова ограничивается лишь констатацией данного факта.

На современном этапе возникла и другая тенденция, связанная с религиозной трактовкой романа и его персонажей. Вследствие этого и в связи с анализируемым романом специалисты, заметим, не по теологии, а по литературе пишут, например, о «человеческой Любви, Богоприродной по сути своей» [Беляева 2018: 130]. Или о том, что «трагизм Базарова не только в одиночестве, бездействии, но, самое главное, – „в его безбожии“» [Степанов 2006: 12]. И с оговорками, но все равно настаивают на том, что Базарову присуще «смирение (хоть это слово и не вяжется с Базаровым)» и что такое смирение, «конечно, не совсем то, которое относится к высшей христианской добродетели <...> Но оно все же, скажем так, соприкасается с важнейшими истинами христианского учения» [Коньшев 2008: 176].

Утверждается также, что «„Отцы и дети“ как формула шире даже ее „эдипального“ смысла смены поколений, т. к. универсальный характер противостояния старого и нового дополняется здесь вопросом о том, кто же предписал этот закон противостояния, другими словами, вопросом о том, каковы же взаимоотношения тварного мира и Творца, т. е. всеобщего Отца» [Полтавец 2009: 60]. Поэтому исследователь не может «пройти мимо любопытного факта связи некоторых деталей романа с особым направлением теологических споров об Отце и Сыне, а именно – с арианской ересью» [Полтавец 2009: 68]. И на этом основании приходит к выводу, «что сопоставление Базарова с Евсевием Самосатским следует проводить не только на уровне сюжета и характера (если возможно говорить о характере в агиографии), но и на уровне идейном: святой Евсевий боролся с арианской ересью в окружающем мире, Базаров же переживает нечто подобное в своем внутреннем мире» [Полтавец 2009: 72].

В конце концов, в некоторых исследованиях артикулируется мысль о том, что «тема „отцов“ дана Тургеневым не случайно. Это

некая аллюзия на библейскую притчу о блудном сыне» [Сергиенко 2016: 136]. Но не совсем ясно, почему было решено, что «для Николая Кирсанова непонятно, как человек, творение Божье, может отрицать своего создателя» [Сергиенко 2016: 137].

Очевидно, что Николая Петровича эти вопросы вообще не интересовали. И даже упоминание церкви в связи с данным персонажем возникает вовсе не потому, что, как считает Ирина Сергиенко, «Тургенев показывает, что именно в церкви зарождаются чувства Николая Кирсанова и Фенички¹» [Сергиенко 2016: 134], намекая тем самым, что отношения между помещиком и молоденькой дочерью его экономки освящены божественным благословением. Ведь церковь в тех условиях была единственным публичным местом, в котором они вообще могли, не таясь, видеть друг друга. Однако от этого их или, точнее, его взгляды не теряли своей вполне определенной эротически мотивированной заинтересованности. А после того, как Николаю Петровичу удалось вылечить Фенечке воспалившийся глаз от попавшей в него искры, «он начал с большим вниманием глядеть на нее в церкви» и даже «старался заговаривать с нею» [Тургенев 2013: 41].

Это означает, что, во-первых, визуальный флирт необходимо признать едва ли не кошунственным, так как он нарушает церковные приличия и религиозную этику, и что, во-вторых, стоит, пожалуй, согласиться с другим тезисом В. Набокова – с тезисом, в соответствии с которым «роман Тургенева не так прост, как может показаться на первый взгляд» [цит. по Сергиенко 2016: 133].

Высказанные выше упрёки в святотатстве не кажутся таким уж большим преувеличением, поскольку их можно обосновать, как минимум, двумя аргументами.

Стоит вспомнить о том, что уже с первых страниц романа поведение Николая Петровича определяется не только радостью по поводу приезда Аркадия, но и тем, что он «потира[л] лоб и брови рукою, что у него всегда служило признаком внутреннего смущения» [Тургенев 2013: 12]. Это смущение было вызвано тем, что, по словам самого же Кирсанова-старше-

¹ Сохранено авторское правописание.

го, сын «конечно, буде[т] вправе осудить» его, ибо в его, Николая Петровича, «лета... Словом, эта... эта девушка, про которую [Аркадий], вероятно, уже слышал...» [Тургенев 2013: 12] и из-за необходимости говорить о которой «Николай Петрович покраснел» и даже просил сына не называть «громко» [Тургенев 2013: 12] ее имени, – «эта девушка» представляла для Николая Петровича существенную проблему.

Смысл этой проблемы заключался в том, что Николай Петрович прекрасно понимал социальное и возрастное неравенство между ним и Фенечкой и свою ответственность за создавшееся положение.

Разумеется, пресловутая доброта, а может быть, отсутствие храбрости и даже трусливость Николая Петровича, вынуждают последнего мучиться совестью и заботиться как о девушке, так и об их незаконнорожденном сыне. Но психологические коллизии не отменяют самого, по сути, противоречивого факта, который имплицитно обусловлен еще одним аргументом, заключающимся в хромоте Николая Петровича.

Любопытно, что упоминание об этом увечье само по себе звучит в тексте романа, как минимум, неоднозначно, поскольку из соответствующего контекста не совсем ясно, «он переломил себе ногу в самый тот день, когда уже прибыло известие об его определении» «в военную службу» [Тургенев 2013: 6], случайно или намеренно? Результат этого события не оставляет никаких сомнений: Николай Петрович «на всю жизнь остался „хроменьким“» [Тургенев 2013: 6]. И если бы его первый брак не завершился так трагически-скоростно, то инвалидность Николая Петровича можно было бы посчитать досадной, однако незначительной деталью. Но из-за того, что судьба героя не ограничилась семейным счастьем с «дочкой чиновника Преполовенского» и продолжилась историей с Фенечкой, «хромая» деталь приобрела иное, более весомое, а вдобавок еще и символическое значение.

Прежде всего, необходимо заметить, что уже из-за уменьшительно-ласкательного суффикса определение «хроменький» звучит как-то насмешливо-двусмысленно. Однако еще в большей степени усиливают эту неуместную и едва ли не циничную игривость ка-

вычки, в которые почему-то взято слово «хроменький», потому что, как известно, в кавычках чаще всего пишутся слова, наделяемые необычным, ироническим или особым значением.

Действительно, в продолжении всего романа автор больше ни разу не вспоминает об этом физическом недостатке Николая Петровича или хотя бы о хромающей походке последнего. Из чего можно заключить, что, иронически называя своего героя «хроменьким» и беря это слово в кавычки, автор имеет в виду не столько физический недостаток персонажа, сколько некое его метафизическое качество.

В частности, по издавна сложившейся традиции, характерной как раз для христианской культуры, «к числу физических недостатков черта надо отнести, что он хромым, вследствие своего падения с неба. В этом случае на дьявола перенесена примета древнего арийского мифа о хромом огненном божестве. Хром эллинский Гефест – и по той же причине: „раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно низвергнул с высокого Олимпа на землю, и вследствие этого падения Гефест повредил ногу“. Хром скандинавский Локи. Хромота черта – общеевропейское поверье, сохраняющееся даже на значительных культурных высотах. Достаточно напомнить об известном романе Лесажа „Le Diable boiteux“.

“Was hinkt der Kerl auf einem Fuss?” (С чего этот малый припадает на одну ногу?) – восклицает в Гетевом „Фаусте“ Зибель, глядя на Мефистофеля. В русских сказках дьявол часто является под именем Анчутки Беспятого (с отшибленной пяткой)» [Амфитеатров 1913: 70–71].

Примечательно, что не только переглядывание в церкви может быть прочитано как знак святотатства, но и игра Николая Петровича на виолончели, а также его увлечение поэзией оказываются подлежащими интерпретации как знаки, релевантные эротическому, то есть в той же христианской традиции дьявольскому, искушению.

В свою очередь, становится отчасти понятной и первоначальное смущение Николая Петровича, которое следует объяснять не социальными, а трансцендентальными причинами, так как с точки зрения общественных условий жизни русского помещного дво-

рянства в эпоху крепостного права помещик Кирсанов ведет себя вполне приемлемо и едва ли не целомудренно для тогдашних нравов и обычаев, принятых в этой сословной среде.

Как пишет об этом Евгений Жирнов, «редкий состоятельный помещик в XVIII и в начале XIX века не использовал своего положения для удовлетворения любовных страстей. Мемуаристы утверждали, что в деревнях „арапа Петра Великого“ – Абрама Петровича Ганнибала – встречалось немало весьма смуглых и по-африкански курчавых крепостных. Чуть не каждый знатный владелиц душ считал долгом иметь собственный гарем из двух-трех десятков крепостных красавиц. К примеру, о государственном канцлере светлейшем князе А. А. Безбородко писали, что он чуждался светского общества и дам потому, что „подлинным ‘романом’ его жизни был гарем, всегда изобилующий наложницами и часто обновляемый“» [Жирнов 2011: 49; см. об этом также Тарасов 2011: 174–187].

Очевидно, что Николаю Петровичу Кирсанову далеко до Абрама Петровича Ганнибала, да и Фенечка была все же не крепостной крестьянкой, но общая сословная принадлежность к дворянству объективно позволяла обоим пользоваться этим обстоятельством, и вопрос касался только масштабов страстных притязаний. В конце концов, Николай Петрович узаконил свои отношения с Фенечкой и, таким образом, окончательно устранил социальное неравенство в этих отношениях. Но поскольку обряд прошел «в небольшой приходской церкви, тихо и почти без свидетелей» [Тургенев 2013: 199], то можно предположить, что какие-то более глубокие причины не позволили превратить это событие в торжество, особенно учитывая, что отец женился в один день с сыном. А ни Аркадий, ни Катя ничем не провинились, и значит, несколько не заслуживали подобной «тишины».

Кроме «мистических» причин, касающихся образа Николая Петровича, уместными представляются и мотивы совсем иного рода, связанные с незаконнорожденным сыном этого персонажа, от которого он, в отличие от множества своих братьев-помещиков, не отказался, а, напротив, благодаря венчанию с Фенечкой снял с Митеньки клеймо бастарда. Этот эпизод опосредованно коррелирует с

биографическими событиями, случившимися в судьбе самого Тургенева [о близости писателя к своему герою см., например, Оляндер 2018: 32], когда его собственная сексуально-барская невосдержанность обернулась впоследствии появлением незаконнорожденной дочери.

Павел Фокин в своей книге с выразительным названием «Тургенев без глянца» приводит письменные и мемуарные свидетельства о том, что, по словам писателя, «когда-то, во время [его] студенчества, приехав на vacation к матери, [он] сблизился с крепостною ее прачкою» [здесь и далее цит. по Фокин [http](#)]. «После этого, – по воспоминаниям Олимпиады Васильевны Аргамачевой, – Иван Сергеевич вскоре уехал за границу. Не подозревая, что в России оставляет свою дочь». А в письме Полине Виардо от 21-27 июля 1850 года Тургенев после встречи с восьмилетней дочерью, получившей при крещении «русское имя Палагея (Пелагея), которое обычно переводят как Полина», сознается, что «даже не припомина[ет] черт лица ее матери», что «можете себе представить, какое тягостное впечатление произвела на [него] эта встреча», и что для него «в этом есть что-то, невольно [его] пугающее. Право, это нечто вроде преступления... да так оно и есть».

В то же время из его слов следует, что он «почувствовал свои обязанности по отношению» к дочери и что «она никогда не узнает нищеты», поскольку он обещает «устро[ить] ее жизнь как можно лучше».

Надо отдать должное писателю, действительно сдержавшему свое обещание: Тургенев отдал дочь на воспитание в семью Полины Виардо, а когда она вышла замуж, то обеспечил ее значительным приданным. Но, с другой стороны, можно предположить, что эта ситуация оказалась для него действительно болезненно-травматической и поэтому, кроме вполне материальных компенсаторных механизмов, потребовала задействовать еще и механизмы сублимационные.

В результате «асмодем» в романе становится не Базаров, как полагал в свое время Максим Антонович, и даже не Павел Петрович, как можно было бы ожидать от такой эгоистической личности, каковую представляет собой Кирсанов-старший, – «le Diable Voi-

теух», то есть «хромым бесом», оказывается добрый, трусливый и на первый взгляд безобидный любитель музыки, поэзии и природы, очень похожий на самого автора романа.

Вместе с тем, если рассматривать сюжетно-композиционную и идейно-образную конфигурацию романа «Отцы и дети» с точки зрения «дьявольской», мистической, а точнее, далекой от высокой нравственности, или, по Е. Конышеву, от «высшей христианской добродетели», позиции Николая Петровича, то это придает хрестоматийному и привычному смыслу как романа в целом, так и его отдельных персонажей в частности несколько иное значение.

Нигилистическая позиция Базарова, декларирующего необходимость тотального «отрицания» [Тургенев 2013: 50], получает неожиданное имплицитное подтверждение как раз от тех, против образа жизни которых такое отрицание направлено. Ведь если «барство дикое» негативно повлияло даже на такого добряка, как Николай Петрович Кирсанов, inferнальность которого носит очевидно иронический характер, то от подобных условий жизни действительно следует избавляться как можно скорее.

В свою очередь, и образ самого Базарова теряет свою убедительность потому, что когда он полюбил Одинцову, то «не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...» [Тургенев 2013: 104]. Но, кроме этого, Базаров, по сути, идет следом за Николаем Петровичем и, также злоупотребив своим социальным положением врача, пытается произвести на Фенечку определенное впечатление, прибегнув к откровенно пошлому и отталкивающему искусственному флирту, которого от него можно было меньше всего ожидать.

В абсолютно ином свете предстает и образ Павла Петровича. Поэтому трудно согласиться с Андреем Кофманом, который утверждает, что «Павел Кирсанов яростно защищает высокие духовные ценности» [Кофман 2018: 134]. На самом деле Кирсанов-старший, храня Фенечку от посягательств Базарова, печется не о «высоких духовных ценностях» и даже не о пригрезившемся ему в облике девушки образе его роковой и таинственной возлюбленной

княгини Р. – Павел Петрович встает на защиту излюбленных им «принсипов» [Тургенев 2013: 50]. Но только речь в этом случае идет не об этических соображениях, а о привычных и давным-давно сложившихся условиях жизни.

В очерченном контексте становится понятным, почему и Фенечка отнюдь не напоминает несчастную и незащищенную жертву. Примечательно, что уже при первом появлении на авансцене романа в образе матери Митеньки Фенечка производит противоречивое впечатление. Ведь когда «Николай Петрович позвонил и закричал: „Дуняша!“», «но вместо Дуняши на террасу вышла сама Фенечка», то, «казалось, ей и совестно было, что она пришла, и в то же время она как будто чувствовала, что имела право прийти». Так что даже «Павел Петрович строго нахмурил брови, а Николай Петрович смутился» [Тургенев 2013: 25].

Когда же ее история счастливо разрешилась венчанием, то «Фенечка стала другая. В свежем шелковом платье, с широкою бархатною наколкой на волосах, с золотою цепочкой на шее, она сидела почтительно-неподвижно, почтительно к самой себе, ко всему, что ее окружало, и так улыбалась, как будто хотела сказать: „Вы меня извините, я не виновата“. И не она одна – другие все улыбались и тоже как будто извинялись; всем было немножко неловко, немножко грустно и в сущности очень хорошо» [Тургенев 2013: 199].

Поэтому вряд ли можно согласиться с Ириной Беляевой, которая высказала мысль о том, что для Тургенева Фенечка – это его Маргарита «из „Фауста“ Гете», но, в отличие от последней, «его современная Гретхен – состоявшаяся молодая мать, и именно поэтому „права“ и <...> „обоготовлена“. Фенечка-Гретхен не погибает сама и не становится причиной смерти близких и своего ребенка – она мать, жена и излучает жизнь» [Беляева (2) 2018: 114].

Напротив, учитывая предыдущий контекст, можно предположить, что описанное благополучие, за которое «всем было немножко неловко», объясняется тем, что виной всему был «хромой бес».

Думается, что и согласие Аркадия, который, несомненно, любил своего отца, на «тихое» венчание, служит еще одним неоспоримым доказательством того, что история Николая Петровича и Фенечки устраивала всех. И каж-

дого – по-своему, по каким-то важным для них мотивам, что в конечном итоге обеспечивало основу для дальнейшего сохранения незабываемого существующего положения вещей.

И история Анны Сергеевны Одинцовой, вторично вышедшей замуж по расчету, служит лучшим тому подтверждением, ибо чрезвычайно рельефно подчеркивает истинный характер устремленности персонажей рома-

на, вполне естественно нацеленных на собственное благополучие.

Итак, смысл образа Николая Петровича Кирсанова в системе действующих лиц романа Тургенева «Отцы и дети» заключается в том, что благодаря противоречивости этого персонажа книга получает дополнительный пронзительно-человеческий импульс, который обеспечивает бессмертию творению гениального русского писателя.

Литература

Амфитеатров, А. В. Собрание сочинений : в 37 томах. Т. 18: Дьявол: Дьявол в быте, легенде и в литературе Средних веков / А. В. Амфитеатров. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1913. – 404 с.

Бельская, А. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева: одоризм как средство создания женских образов романа / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 2 (71). – С. 78–87.

Беляева, И. А. Сюжет романа Ивана Тургенева Отцы и дети в свете художественной танатологии писателя / И. А. Беляева // Slavica Wratislaviensia. – 2018. – № 167. – С. 123–132.

Беляева И. А. (2) Творчество Тургенева: фаустовские контексты / И. А. Беляева. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 248 с.

Гимранова, Ю. А. Тургеневский интертекст в постмодернистской прозе конца XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гимранова Ю. А. – Пермь, 2018.

Давыдова, В. Образ Николая Петровича Кирсанова в романе «Отцы и дети»: описание внешности и характера в цитатах / В. Давыдова. – URL: <https://r-book.club/russian-classics/ivan-turgenev/otcy-i-deti-obraz-nikolaja-retrovicha-kirsanova.html> (дата обращения: 25.04.2021). – Текст : электронный.

Коньшев, Е. М. Христианские мотивы в творчестве Тургенева / Е. М. Коньшев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 175–186.

Кофман, А. Ф. «Отцы и дети» как философский роман / А. Ф. Кофман // Тургеневские чтения. – 2018. – Вып. 7. – С. 126–140.

Ленхобоева, Т. Р. Рецепция романов И. С. Тургенева в отечественном и англоязычном литературоведении 2-й половины XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленхобоева Т. Р. – Улан-Удэ, 2013.

Мальшева, Н. М. И. С. Тургенев в критике и литературоведении конца XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / Мальшева Н. М. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 265 с.

Маркович, В. М. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в отечественном литературоведении 1952–2006 гг. / В. М. Маркович // Тургенев И. С. Отцы и дети. – Ленинград : Наука, 2008. – С. 507–540.

Минина, С. П. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в рецепции и литературно-критической интерпретации Людвиг Пича / С. П. Минина // Тургеневские чтения. – 2009. – Вып. 4. – С. 79–89.

Набоков, В. Лекции по русской литературе. Иван Тургенев (1818–1883) / В. Набоков. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekicii-po-russkoj-literature/turgenev.htm> (дата обращения: 17.04.2021). – Текст : электронный.

Оляндэр, Л. К. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в аналитическом дискурсе О. В. Богдановой (О дискурсе первой части статьи) / Л. К. Оляндэр // Вісник університету імені Альфреда Нобеля. – 2018. – № 1 (15). – С. 29–37.

Полтавец, Е. Ю. «Отец» и «дети» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: к вопросу о смысле названия / Е. Ю. Полтавец // Тургеневские чтения. – 2009. – Вып. 4. – С. 56–78.

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике : сб. статей / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Сухих. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 384 с.

Свердлов, М. Русский канон в эпоху реализма / М. Свердлов. – URL: <https://magisteria.ru/rus-lit-prose-19/fathers-and-sons-1> (дата обращения: 25.04.2021). – Текст : электронный.

Сергиенко, И. В. В. Набоков – литературовед и преподаватель литературы (На материале лекций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сергиенко И. В. – Ставрополь, 2016.

Степанов, Е. Г. Романы И. С. Тургенева в русской повествовательной литературе 1850-х – начала 1860-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Степанов Е. Г. – Москва, 2006.

Тарасов, Б. Ю. Россия крепостная. История народного рабства / Б. Ю. Тарасов. – Москва : Вече, 2011. – 320 с.

Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – Харьков : Фолио, 2013. – 218 с.

Фокин, П. Е. Тургенев без глянца / П. Е. Фокин. – URL: <https://biography.wikireading.ru/229969> (дата обращения: 24.04.2021). – Текст : электронный.

Фурат, К. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в историко-функциональном освещении : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фурат К. – Москва, 2016.

References

Amfiteatrov, A. V. (1913). *Sobranie sochinenii: v 37 tomakh* [The Collected Works, in 37 vols.]. Vol. 18: D'yavol: D'yavol v byte, legend i v literature Srednikh vekov. Saint-Petersburg, Prosveshchenie. 404 p.

Штейнбук Ф. М. Образ Николая Кирсанова в системе действующих лиц романа И. Тургенева «Отцы и дети»

Bel'skaya, A. A. (2016). «Ottsy i deti» I. S. Turgeneva: odorizm kak sredstvo sozdaniya zhenskikh obrazov romana ["Fathers and Sons" by I. S. Turgenev: Odorism as a Means of the Creation of Female Images of the Novel]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (71), pp. 78–87.

Belyaeva, I. A. (2018 (2)). *Tvorchestvo Turgeneva: faustovskie konteksty* [The Literary Works by Turgenev: Faust's Contexts]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 248 p.

Belyaeva, I. A. (2018). Syuzhet romana Ivana Turgeneva Ottsy i deti v svete khudozhestvennoi tanatologii pisatelya [The Plot of the Novel by Ivan Turgenev Fathers and Sons in the Context of the Writer's Artistic Tanatology]. In *Slavica Wratislaviensia*. No. 167, pp. 123–132.

Davydova, V. *Obraz Nikolaya Petrovicha Kirsanova v romane «Ottsy i deti»: opisaniye vneshnosti i kharaktera v tsitatakh* [The Image of Nikolai Petrovich Kirsanov in the Novel "Fathers and Sons": the Description of Appearance and Character in the Quotations]. URL: <https://r-book.club/russian-classics/ivan-turgenev/otcy-i-deti-obraz-nikolaja-petrovicha-kirsanova.html> (mode of access: 25.04.2021).

Fokin, P. E. *Turgenev bez glyantsa* [Turgenev without Gloss]. URL: <https://biography.wikireading.ru/229969> (mode of access: 24.04.2021).

Furat, K. (2016). *Roman I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» v istoriko-funksional'nom osveshchenii* [The Novel by I. S. Turgenev "Fathers and Sons" in the Historical and Functional Context]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow.

Gimranova, Yu. A. (2018). *Turgenevskii intertekst v postmodernistkoi proze kontsa XX – nachala XXI vekov* [Turgenev's Intertext in the Postmodernism Prose in the End of the XX – Beginning of the XXI Centuries]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Perm.

Kofman, A. F. (2018). «Ottsy i deti» kak filosofskii roman ["Fathers and Sons" as a Philosophical Novel]. In *Turgenevskie chteniya*. No. 7, pp. 126–140.

Konyshchev, E. M. (2008). Khristianskie motivy v tvorchestve Turgeneva [The Christian Motifs in the Works of Turgenev]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo universiteta*. No. 1, pp. 175–186.

Lenkhoboeva, T. R. (2013). *Retseptsiya romanov I. S. Turgeneva v otechestvennom i angloyazychnom literaturovedenii 2-i poloviny XX veka* [The Reception of the Novels by I. S. Turgenev in the National and English Literary Studies in the 2nd Half of the XX Century]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ulan-Ude.

Malysheva, N. M. (1984). *I. S. Turgenev v kritike i literaturovedenii kontsa XIX – nachala XX veka* [I. S. Turgenev in Critics and Literary Studies in the End of the XIX – Beginning of the XX Century]. Dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 265 p.

Markovich, V. M. (2008). Roman I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» v otechestvennom literaturovedenii 1952–2006 gg. [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev in the National Literary Studies in 1952–2006]. In *Turgenev I. S. Ottsy i deti*. Leningrad, Nauka, pp. 507–540.

Minina, S. P. (2009). Roman I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» v retseptsii i literaturno-kriticheskoi interpretatsii Lyudviga Picha [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev in the Reception and Literary Critical Interpretation of Ludwig Pich]. In *Turgenevskie chteniya*. No. 4, pp. 79–89.

Nabokov, V. *Lektsii po russkoi literature. Ivan Turgenev (1818–1883)* [Lectures on Russian Literature. Ivan Turgenev (1818–1883)]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/turgenev.htm> (mode of access: 17.04.2021).

Olyander, L. K. (2018). Roman I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» v analiticheskom diskurse O. V. Bogdanovoi (O diskurse pervoi chasti stat'i) [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev in the Analytical Discourse of O. V. Bogdanova (On Discourse of the First Part of the Article)]. In *Visnyk universitetu imeni Al'freda Novelya*. No. 1 (15), pp. 29–37.

Poltavets, E. Yu. (2009). «Otets» i «deti» v romane I. S. Turgeneva «Ottsy i deti»: k voprosu o smysle nazvaniya ["The Father" and "Sons" in the Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev: on the Problem of the Title Meaning]. In *Turgenevskie chteniya*. No. 4, pp. 56–78.

Sergienko, I. V. (2016). *V. V. Nabokov – literaturoved i prepodavatel' literatury (Na materiale lektsiy)* [V. V. Nabokov – a Literary Scholar and a Teacher of Literature (On the Lectures Materials)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol'.

Stepanov, E. G. (2006). *Romany I. S. Turgeneva v russkoi povestvovatel'noi literature 1850-kh – nachala 1860-kh godov* [The Novels by I. S. Turgenev in the Russian Narrative Literature in the 1850-s – the Beginning of the 1860-s]. Avtoref. dis. ... kand. folol. nauk. Moscow.

Sukhikh, I. N. (Ed.). (1986). *Roman I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» v russkoi kritike* [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenev in Russian Critics]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 384 p.

Sverdlov, M. *Russkii kanon v epokhu realizma* [The Russian Canon in the Epoch of Realism]. URL: <https://magisteria.ru/rus-lit-prose-19/fathers-and-sons-1> (mode of access: 25.04.2021).

Tarasov, B. Yu. (2011). *Rossiya krepostnaya. Istoriya narodnogo rabstva* [Serf Russia. The History of Common Folk Serfdom]. Moscow, Veche. 320 p.

Turgenev, I. S. (2013). *Ottsy i deti* [Fathers and Sons]. Kharkov, Folio. 218 p.

Данные об авторе

Штейнбук Феликс Маратович – доктор филологических наук, профессор кафедры русистики и восточно-европейских исследований Университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия).

Адрес: 81499, Словакия, г. Братислава, площадь Шафарика, 6.

E-mail: feliks.shteinbuk@uniba.sk.

Author's information

Shteinbuk Feliks Maratovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and East European Studies of Comenius University in Bratislava (Bratislava, Slovakia).

СИНТЕЗ КОНЦЕПЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ: ДИСКУРСИВНЫЕ И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Boris Yu. Norman¹

Belarusian State University, Minsk

Mikhail Yu. Mukhin²

Ural Federal University, Ekaterinburg

INTERDISCIPLINARY TRENDS OF MODERN LINGUISTICS

The active development of interdisciplinary research methods in linguistics began in the mid 20th century. Common interests with sociology, psychology, philosophy and other disciplines brought about the emergence of new conceptions and research areas. Anyway, linguistics, the same as philology in general, is known to originate from philosophy as a more general humanities discipline. In recent decades, efficient interaction between linguistics and informatics has become a salient interdisciplinary phenomenon. On the one hand, scholars have received programs for sound processing, database management systems, and tools for designing automatic speech analysis and synthesis. On the other hand, the findings of theoretical linguistics have turned out to be utterly urgent for communication modeling in information systems, and such vanguard research areas as machine translation, information search, and computer assisted learning have determined the narrow interpretation of interdisciplinarity in linguistics as sharing a common field of research with information technologies and not any other area of knowledge.

Corpus linguistics is a most important “driver” of the modern linguistic thought. This academic school is over sixty years old, but its influence upon socio-humanitarian research became really evident in the 1990s. Today, the development of not only linguistics but also various academic and applied spheres, interested in large text databases, is impossible without involving corpora. On the background of development of “classical” corpus databases one can witness the creation of new semantically-commented, multimedia parallel corpora and projects with hierarchical mark-up on the level of the phrase, discourse, etc., which can be considered new trends of corpus linguistics. The analytical potential of modern corpora is determined by linguistic, chronological and functional-textual mark-up parameters, and even traditional philological studies have usually included elements of “statistical corpus graphics”: schemes, graphs, diagrams, tables, etc.

The sophistication of corpus-based methods is closely associated with the new spiral of development of stylometry – a discipline presup-

¹ Boris Justinovich Norman, Guest Editor, Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University.

² Mikhail Yurievich Mukhin, Guest Editor, Doctor of Philology, Professor of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology, Ural Federal University.